

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

Дмитрий ЛИХАЧЕВ

Делить территорию России так, как ее делят сейчас вновь образовавшиеся «независимые государства», можно, только исключив память, культурную память — историческую память да и память родины, — независимо от того, как оценивать эту родину. Может быть, она была для многих мачехой, а не матерью, но она все же была.

Лежат русские кости на Кавказе, лежат на Балканах и в Карпатах, на Алеутских островах и во многих местах Америки до Калифорнии. Почему они там лежат и кто погнал русских на восток, юг, запад и север — это другой вопрос, но те, чьи кости белеют по всему свету, думали, что они совершают для России благое дело. Да и делали же: освобождали румын, болгар и сербов от турецкого ига, давали финнам и прибалтам говорить на своем языке и даже писали грамматики.

Русские востоковеды изучали языки угро-финские, тюркские, иранские, монгольские, китайский, японский, арабский, индийские. Занимались ведущее место в изучении Византии, переводили Коран и Талмуд. Да мало ли забытых заслуг у императорской Академии наук!

Память о России сохраняют дороги, по которым ехали и шли на поклонение в Соловки и в Киево-Печерскую лавру, на Валаам и в Новый Афон на Кавказе, а на Урал и в Сибирь по торговым и промысловым делам мужественные землепроходцы. Сохраняют память моря, по которым плыли простые люди в Святую Землю и на Алеутские острова.

Мало ли исхоженных троп и тропинок на всех просторах России, и не встречались ли на них сотни (да, сотни) народов? Не отразилась ли русская народная песня в изумительном пении цыган, которыми увлекались Державин, Аполлон Григорьев, Лев Толстой, Блок...

Отразилась русская культура в культуре человечества и на другом уровне. Так или иначе, в большей мере или в меньшей системе Станиславского учитывается во всем мире. От русского балета, который сам берет свое начало в балете французском и итальянском, ведут сейчас свое происхождение балетные школы всего мира. А русская музыка и исполнительское искусство?

Из запасников музеев Москвы и Петербурга, из их госфондов систематически пополнялись музеи в Киеве и Минске, Средней Азии и Армении, и не только произведениями «иностраных» мастеров, но в большой степени русскими.

Разве все это забывается? И можно ли вычеркнуть значение России, русского искусства, русской науки в культурах Армении, Грузии, Азербайджана?

А Черноморский флот? Он с честью побеждал на Черном море и на Эгейском. Его победы что-то значили для

южного и восточного славянства в целом. Иначе еще долго продлилась бы турецкая власть на Балканах. Впрочем, я не хочу обидеть Турцию: ее бытовая культура поразительно высока. Русской кровью политы не только бастионы Севастополя, поля Восточной Пруссии, укрепления Порт-Артура.

Еще и еще раз скажут: от России было много плохого. Но ведь было и хорошее. Была история, и было прошлое, в котором всегда смешивается то и другое. А без прошлого нет современности, и прошлое играет огромную роль в становлении культуры настоящего.

И как жаль все то, что было и исчезло во имя ложных идей «интернационального долга»! Сколько берез вырублено, сколько церквей и усадеб разграблено и разрушено, сколько богатств ушло и в безвестности украшает чужие дома и чужие музеи. А ведь какими родными были они и для крестьян, и для монахов, и для купцов, и для тех самых помещиков, которые ведь не все же были «угнетателями» и «эксплуаторами»!

Конечно, сколько мучений было у простых русских людей от своих же русских господ. Ради чего? Но ведь худшие мучения были от равных себе или даже низших по культуре. Такова была жизнь, такой она и остается, верша великую судьбу великой культуры.

Испорчены реки, затоплены лучшие пахотные земли, чтобы дать воду братьям на юге. Искрпаны месторождения ценных руд и всяческих ископаемых не только для русских. При Сталине, как утверждают, государственный бюджет строился с убытком для русских областей, чтобы компенсировать окраины. Но взгляните на русские города и сравните их сейчас с городами наших независимых от нас республик. Стоило бы пожить в старой русской деревне, чтобы убедиться в трудолюбии русского народа, в его умении создавать свой быт и считаться с окружающими людьми и, главное, с соседними народами.

Нищая Россия с ее «ветровыми просторами» там, где могло бы жить богатое и крепкое устойчивым бытом население.

Больше половины князей России носили этот титул в Грузии, а еще значительная часть князей были татары. Татарских князей было так много, что обычным обращением к татарам, даже к мелким торговцам и извозчикам, в старой России было всерьез принято — «князь». И разве не удивительно, что сразу после завоевания Казани в середине XVI века в России создается «История Казанского царства», которой не имели сами татары, и в ней с великим уважением говорится о казанских татарах, об их мужественной защите своего города от русских и с жалостью и сочувстви-

ем приводится плач увозимой из Свияжска царицы Сююмбеки — плач по городу Казани, по ее красоте и величию.

И те, кто ненавидят русских, пусть вспомнят, если они только мало-мальски образованны, о Достоевском, Мусоргском, Скрябине, Рахманинове, Чехове — о всех тех, кто составляет истинную славу России. Неужели не ясно, что не всякий великий народ может противопоставить этим именам не менее сильную рать своих имен? Впрочем, ценности культуры несоизмеримы, и культура каждого народа бесценна. И идеалы у каждого народа свои, собственные, индивидуальные, почему и нельзя их сравнивать «по росту»: чья культура выше, а чья — ниже. И все же...

Мне жаль не только солдат Суворова и Кутузова — мне жаль почему-то наших литературных героев. Жаль Татьяну Ларину, жаль Савельича, жаль Наташу Ростову и Пьера Безухова, жаль князя Мышкина... Неужели о них будут помнить, вырывая их из их среды, из России? Неужели можно отказаться от Волошина потому, что он всему предпочел Крым? Нет, не будет забыта Россия в старых ее границах, пока существует и читается русская классическая литература, пока существует русская музыка с кавказскими, крымскими, украинскими мотивами, русское изобразительное искусство. Нет, не избавиться «независимым государствам» от России, как и нам, русским, от них!

И не о политических границах хлопоту я, но о духовных. Не выселить нам Волошина из Крыма, не запретить Пушкину путешествовать по Закавказью, как и не выселить Мицкевича из Литвы, из Вильно (Вильнюса) и Ковно (Каунаса).

И над всем этим стоит задуматься тем, кто стремится «отряхнуть прах с ног». Стоит ли устанавливать пограничные посты там, где самое ценное, ради чего мы живем, — культура каждого народа и человечества в целом, — не знает границ. Пусть будут правительства, парламенты, пусть будут рубежи, устанавливающие территориальные пределы их власти. Пусть будут все необходимые атрибуты государственности. Но пусть сохраняются и единая сеть путей сообщения, и система связи, и, желательно, общая валюта, и все, что необходимо для существования единого культурного пространства. Понятию суверенитета все это никак не противоречит. Пассажир, пересекающий ночью границу Германии и Франции, даже не просыпается сегодня в своем купе. На фоне всеобщего тяготения к интеграции наш сегодняшний раздел воспринимается — особенно в тех формах, в каких он происходит, — как глубокий исторический анахронизм. Он грозит нам превращением в некую бесформенную кучу провинциальных отсталых государств. Мы не должны допустить этого.